

К ВОПРОСУ О ПОЗИЦИИ КЫРГЫЗОВ В ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ БОРЬБЕ НАРОДОВ ВОСТОЧНОГО ТУРКЕСТАНА В СЕРЕДИНЕ XVIII В.

Дөөлөтбек САПАРАЛИЕВ

Кыргызско-Турецкий университет «Манас», факультет истории

Вопрос об участии кыргызских родоплеменных групп в истории освободительной борьбы народов Восточного Туркестана против ойратской экспансии (1754-1757 гг.), а затем и господства цинских завоевателей (1758-1759 гг.), является наименее исследованным. Некоторые общие сведения об этом мы встречаем в переводных книгах Н.Я. Бичурина (Иакинфа)¹, сочинениях Ч.Ч. Валиханова, научных трудах Л.И. Думана, А.Н. Бернштама, И.Я. Златкина, А.А. Кондратьева, В.А. Ромодина, Б.П. Гуревича, В.С. Кузнецова, В.М. Плоских, А.Х. Ходжаева и других.

Исследование истории освободительной борьбы народов Восточного Туркестана и Средней Азии имеет важное научное значение поскольку, постольку в ней прослеживается общность исторических судеб этих народов (**Бернштам, 1947:71**). На наш взгляд, некоторые авторы, освещавшие данный вопрос (**Бичурин, 1829:178; Кондратьев, 1958:937; Ромодин/Кондратьев, 1958:130-134**), неверно определяют роль отдельных кыргызских племен в антицинской борьбе под руководством братьев - ходжей - Бурхан-ад-Дина и Хан Ходжо (по китайским источникам Хоцзи Чжан²), противопоставляя их восставшим восточнотуркестанцам, а другие вовсе умалчивают об этом (**Kurban, 1995:64-69, 71-81; Buğra, 1998:290-291**). Поэтому целью данного научного сообщения является выяснение действительной позиции кыргызов в освободительной борьбе народов Восточного Туркестана в 1754-1759 гг.

Одним из основных источников в исследовании политической истории Центральной Азии в указанный период были и остаются официальные китайские хроники (**Думан, 1935:15-40**). Среди них, по оценке специалистов, самым насыщенным по фактическим материалам считается китайский источник второй половины XVIII века «Пиндин чжунгээр фаньлюе» («Описание умиротворения Джунгарии» - далее сокр. «Пин чжун»),³ которое представляет собой собрание

¹ Переводы Н. Бичурина в свое время были подвергнуты критике учеными из России. См.: Думан Л. И. Некоторые китайские источники по изучению Синьцзяна конца XVIII и начала XIX веков // Библиография Востока. Вып. 8-9. Л., 1935. С. 23-24; Златкин И. Я. История Джунгарского ханства (1635-1758). М., 1964. Введение.

² Следует отметить, что в исторической литературе имя одного из руководителей восстания дается по-разному: одни его называют ходжо Джухан, а другие – Хан Ходжо. Мы здесь придерживаемся второго.

³ Источниковедческий анализ этого источника см.: Хафизова К. Ш. Китайская дипломатия в Центральной Азии (XIV – XIX вв.). Алматы, 1995. С. 17-19. Нами использованы переводы извлечений из этого источника, осуществленные старшим научным сотрудником Института истории НАН КР Г. П. Супруненко. Извлечения обнаружены в коллекции рукописных книг и собраний К. А. Скачкова (отдел рукописей Государственной библиотеки России),

28 К ВОПРОСУ О ПОЗИЦИИ КЫРГЫЗОВ В ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ
БОРЬБЕ НАРОДОВ ВОСТОЧНОГО ТУРКЕСТАНА
В СЕРЕДИНЕ XVIII В.

официальных документов по «умиротворению» Джунгарии, т.е. территории Джунгарского ханства – государства западно-монгольских племен – ойратов, которых среднеазиатские тюркоязычные народы называли калмаками. Большая часть материалов данного источника совпадает с документами широко известного китайского источника «Да Цин личао шилу» («Хроника правлений всех государей великой династии Цин» - далее сокр. «Шилу») (Мелихов, 1969). Примечательной стороной сочинения «Пин чжун», как указывала К. Ш. Хафизова является то, что оно включает в себя документы, не вошедшие в «Шилу», противоречащие официальной историографии по ряду вопросов» (Хафизова, 1972: 139). В связи с этим анализ сведений этого источника в сопоставлении с другими аналогичными материалами вызывает особый интерес у исследователей политической истории Центральной Азии середины XVIII века.

В Восточном Туркестане еще с XVI в. шла внутривосточная борьба группировок религиозных служителей ходжей за власть в стране, так называемых «ишкия» (белогорцев) и «исакия» (черногорцев) (см. подр. Валиханов, 1985. 3: 126-129). Здесь с конца XVII в. до середины XVIII в. установилось господство джунгарцев. Они номинально управляли с помощью главы черногорцев Юсуф-ходжи и хакимбеков – правителей городов.

В 1754 г., пользуясь смутами в Джунгарии, Юсуф-ходжа, заручившись поддержкой кыргызов из родоплеменной группы (далее – РПГ) кыпчак и сары калфак, кушчу и др., поднял знамя освободительной борьбы. Им противостояла другая группа феодалов – хакимбеков – правителей восточнотуркестанских городов во главе с Гази-беком, так же ставленником джунгарского хана. Последние, не имея твердой опоры в стране, искали поддержку на стороне. После уничтожения Джунгарского ханства (1755 г.) они пытались сохранить свою власть с помощью Цинов (Думан, 1936: 80-86). В схватке черногорских ходжей с хакимбеками (в которой первые выступали за независимость Восточного Туркестана и поэтому их борьба была, или по крайней мере, казалась прогрессивной), кыргызы во главе с Амир – мирзой из племени кыпчак оказали действенную помощь Юсуф-ходже. По словам Мухаммед Садыка, прибывшие в это время в Кашгар «киргизы взяли на себя также обязанность хадимов (хакимбеков – Д.С.) и освободили бывших хадимов. Весь народ был удивлен» (Салахетдинова, 1959: 110). Юсуф-ходжа призвал на помощь и других кыргызов из ближайших мест, в том числе и андижанских.

Спротивление хакимбеков черногорцам не было сломлено. В этой ситуации прибытие из Джунгарии в Восточный Туркестан Бурхан ад-Дина – представителя белогорцев, гонимых джунгарами, в сопровождении цинского отряда и ратовавшего за свержение власти черногорцев нарушило планы последних. Видимо призывы Юсуф-ходжи уже не находили понимания у местного населения⁴. Получилось так, что черногорцы, объявившие «газават» - религиозную войну против неверных – калмаков, на самом деле пытались сохранить свое прежнее господствующее положение, которое они занимали во времена джунгар, что не имело ничего общего с устремлениями основной массы населения к независимости. Определенное значение в порождении недоверия местного населения и кыргызов к черно-

подготовленные для публикации в виде двух рукописей: Материалы по истории киргизов из китайских источников XVIII – XIX вв. Фрунзе, 1976; Китайские источники о киргизах в XVIII- нач. XIX вв. Фрунзе, 1979. Они ныне хранятся в Институте истории НАН КР.

⁴ О возможной перегруппировке политических сил в это время в Восточном Туркестане, отразившееся в сочинении «Ислам наме», отмечал С.К.Ибрагимов см.: Материалы по истории казахских ханств в XV- XVIII вв. Алма-Ата, 1969. С.423.

горцам, по-видимому, имело и то, что глава последних – Юсуф-ходжа, в свое время служивший джунгарам, был рожден от калмачки (Салахетдинова, 1959:97), и в его войсках было немало калмаков. По данным Г.Н. Потанина, только во время бегства из Или в Кашгар Юсуф-ходжа увел с собой 3 тыс. калмаков (Потанин, 1868:12). К тому же Юсуф-ходжа даже после объявления «газавата» проявил лояльность к иноземным поработителям. Это видно из сочинения «Газкира и-Ходжаган»: «Юсуф-ходжо не причинив этим неверным вреда, отправил их на родину...» (Салахетдинова, 1959:110). Вот почему Юсуф-ходжа опасался открытого сражения с Бурхан ад-Дином. И на этом этапе он уже не без основания проявлял недоверие к кыргызам, находившимся в лагере черногорцев, ибо в отряде наступающих, кроме восточнотуркестанцев и китайцев, находилось немало кыргызов (Думан, 1936: 80-86).

При наступлении на Ак-Су к Бурхан ад-Дину примкнули некоторые хакимбеки, противники Юсуф-ходжи (Думан, 1936:85-86), а после первых военных столкновений у г.Уш (Уч-Турфан – Д.С.) – подданные последних и некоторые представители кыргызского племени мунки (Салахетдинова, 1959:115). После этих событий 1755 г. в Кашгар из Андижана прибыл, откликнувшись на призыв Юсуф-ходжи, Кубат-мирза – бий кыргызского РПГ кушчу. Он был с почетом и подарками встречен подданными Абдулаха, сына умершего к этому времени Юсуф-ходжи, но, оценив положение в стране, Кубат первоначально не хотел вмешиваться в дела противоборствующих сторон. Однако во время наступления Бурхан ад-Дина на Кашгар он, все-таки, оказал последнему действительную помощь. За это Кубат-мирза был назначен белогорцами хакимбеком г.Кашгара. Затем, возглавив многочисленное войско Бурхан ад-Дина, в составе которого были и кыргызы из племен кушчу, мунку, чонбагыш, тогуз кыпчак, находящихся под началом Суфий-мирзы и Хаким-мирзы, Кубат-бий двинулся на Яркенд и подчинил его белогорцам (Салахетдинова, 1959:119-121). В стране установилась власть Бурхан ад-Дина, выступившего от имени Цинской империи.

В январе – феврале 1756 г. в Восточный Туркестан прибыл остававшийся в качестве заложника у цинов Хан Ходжа, родной брат Бурхан ад-Дина (АВПР. Ф. Зюнгарские дела.1756.Оп.113/1.Д.1.Л.57-58). Первоначально, Хан Ходжо направляясь из пределов р. Или на свою родину для организации восстания также заручился военной поддержкой северокрыргызских племен. Об этом свидетельствует китайский источник «Пин чжун» (гл. 58, с.86) где говорится, что, «Ходзи Чжан (т. е. Хан Ходжо – Д. С.) с каждым бурутским (крыргызским – Д. С.) главой заключил союз, чтобы освободить мужчин у ойратов (по-видимому, имелось в виду, вызволить оставшихся в плену у калмаков кыргызов – Д. С.)» (Супруненко, 1979: 84).

Но, вскоре прочно обосновавшись в Яркенде, Хан Ходжа, стремившийся установить безраздельное господство в стране белогорцев, постепенно принимает меры по устранению от власти кыргызов. Об этом можно судить по сведениям из источника «Пин чжун» (гл. 58, с. 96), где приводятся показания пленных уйгуров (1758 г.). Они утверждали: «В прошлом (т.е. 1757 г.) году весной бурутский бек Хува (Куват – Кубат-бий, по объяснению Г.П. Супруненко в опубликованной работе, вкралась опечатка), который был в Кашгаре главой и имел управление тысячу семей вследствие того, что Хоцзи Чжан (Хан Ходжа – Д.С.) грабил бурутов племен чонбагыш и кипчак, выразил сомнение и во главе своих подданных ушел обратно к бурутам. Борониду (Бурхан ад-Дин – Д.С.) опасался начинать войну и не пошел вдогонку». Из приведенного несложно понять, что после весны 1757 г. у Бурхан ад-Дина и Хан Ходжи обострились отношения с местными кыргызами, и тем самым они лишились поддержки северокрыргызских племен, в частности Кубат-бия.

30 **К ВОПРОСУ О ПОЗИЦИИ КЫРГЫЗОВ В ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ
БОРЬБЕ НАРОДОВ ВОСТОЧНОГО ТУРКЕСТАНА
В СЕРЕДИНЕ XVIII В.**

Летом 1757 г. народы Восточного Туркестана открыто выступили против политической гегемонии в их стране Цинской империи (Думан, 1966: 21). Активное участие в этом движении приняли и местные кыргызы. Так, в сообщении жителя г.Тары П.Сараханова, вернувшегося 23 октября 1758 г. из Средней Азии в крепость Святого Петра Западной Сибири, говорится, что в восточнотуркестанские города «было послано от китайского войска до двух тысяч человек с таковым объявлением, чтоб быть им эркенцам и протчим под его китайского хана протекцией. Но оне, эркенцы сообщась с бурутами тысячи до полутора китайцев побили, а до пятисот назад в свое войско возвратились и ныне те бухарцы живут сами собой» (ЦГАДАР.Ф.248. Оп.113.Д.1551.Л.769). О наличии кыргызов в войсках Хан Ходжи сообщается и в сочинении «Да Цин личао шилу» (Праведные записки о правлении всех государей династии Цин. Токио, 1937.Гл.574, л.106). Китайский генерал Чжао Хой в докладе от 1758 г., приводя сведения пленных уйгуров, указывал, что «в Яркенде у Хоцзи Чжана в городе было 5 тыс. с лишним человек, имеющих лошадей ойратов, бурутов, илийских уйгуров, очень много пехотинцев» (Супруненко, 1979: 84).

Весной 1758 г. цинское правительство начало активные военные действия против повстанцев в Восточном Туркестане, и, «...руководствуясь своим выработанным тысячелетиями правилом дружить с отдаленными, чтоб с двух сторон напасть на ближайших» (Васильев, 1900: 147), прежде всего попыталось лишить восточнотуркестанцев поддержки северных соседей – кыргызов. Во второй половине XVIII в. у тьянь-шаньских кыргызов находившихся под начальством Маматкулу бия наблюдался рост политической сплоченности и военной активности, сопровождавший успешной освободительной борьбой против калмаков за свою самостоятельность и независимость. Поэтому в свою очередь, цинские власти придавали немаловажное значение позиции кыргызов во время подавления восстания народов Восточного Туркестана. Они хорошо осознавали, что открытая агитация кыргызов против уйгуров не даст желаемых результатов. Ибо вся предыдущая история их взаимоотношений указывала на общность исторических судеб особенно наглядно проявившаяся в период их борьбы против ига Джунгарского ханства (Салахетдинова, 1959: 93-125; 1961: 133-140). Именно для этой цели цинский двор вступил в официальные дипломатические сношения с кыргызами.

Цинский император снабдил своих военачальников специальным манифестом, обращенным к кыргызским старшинам, датированным февралем 1758 г. Содержание этого документа излагается в «Пин чжун» (гл.49, л.25а-26б). В нем, как обычно, в великодержавном духе возвеличивалась роль Цинской империи в событиях Центральной Азии, в частности, в Джунгарии. В обращении конкретно к кыргызам указывалось: «Вы, буруты, никогда не вмешивались в дела джунгар, но издавна являетесь соседним владением (подчеркнуто нами – Д.С.). Ныне джунгары полностью покорены и ваши земли стали смежны с нашей границей. Если вы..., тяготея к (нашей) цивилизации, приедете, чтоб подчиниться, я позволю вам жить по - прежнему и не менять одежду, не буду назначать чиновничьи ранги и не буду взыскивать налоги. Однако, если пришлете посланника с просьбой, то я увеличу милости и награды. Ваши иноземные обычаи отличаются от обычаев Срединного государства, поэтому, вероятно, не хотите перейти на нашу сторону и подчиниться, это ваше дело. Но следует обуздать подвластные (вам) племена, чтобы всегда держались границ (в В.Кузнецова это место гласит: «Нужно лишь держаться своих границ» – Д.С.). Я так же не буду увеличивать войска и беспокоить. Но если вы не проявите спокойствие и смирение, или будете перекочевывать через границы, бесчинствовать и грабить, то сами вызовете конфликт. Тот час же наши войска покарают (вас). Вы раскаетесь и как в дальнейшем добьетесь

нашей милости?» (Кузнецов, 1983: 40; Супруненко, 1976: 11). Из приведенной цитаты следует, что цинский двор обращался к кыргызам, как к вполне суверенной стороне, предлагая им мир и, по существу, призывая к установлению официальных дипломатических отношений с обещанием императорских наград, для получения которых было достаточно всего лишь отправить посла и соблюдать границы, которые не были твердо установлены. Наверное не случайно, в манифесте не было никаких упоминаний о событиях в Восточном Туркестане, чтобы скрыть истинную цель, которую преследовал цинский двор, предлагая установить дипломатическую связь с кыргызами.

Видимо, цинские генералы получили предписание: под предлогом преследования беженцев скрытно пройти через земли кыргызов и нанести удар по Восточному Туркестану с севера («Пин чжун» гл.56, л.9а-10б). В этих целях, по сведениям перебежавших в июле 1758 г. русскую границу джунгар, «на реке Или собрались китайские войска в трех местах, тысяч до двадцати, и делают ныне лодки, и через оную реку Или два партии из десяти тысяч при командующем Зюююанясин и Кебе Анбане... пошли для разбития бухарских городков Иркени и Кашгара, в коих находятся бухарцы и бурутов бойцу тысяч до тридцати, а третья партия в двух тысячах при командующем Ноене Занзин осталась и находится по сю сторону реки Иле для поимки и искоренения зенгорских калмык» (ГАООР. Ф.366. Оп.1. Д.44. Л.1 об.).

Цины, конечно, не предполагали уже на Сан-Таше встретить кыргызов. Поэтому весной 1758 г., часть цинских войск, численностью до 10 тыс. человек, уже выступила в поход на восточнотуркестанцев с юго-востока (Думан, 1936: 97), а вторая часть, направлявшаяся с северо-востока, вынуждена была воздержаться от дальнейшего продвижения. В этом случае, как предписывалось, цинские генералы вступили в официальные сношения с кыргызскими старшинами, обнародовали известный манифест и пригласили кыргызских послов в Пекин. По расчетам цинского двора, прибытие кыргызских послов в Китай, становившихся как бы заложниками, служило бы гарантией от выступления их соплеменников на стороне восточнотуркестанцев, хотя бы на период посольской миссии. И не случайно, нахождение послов северо-кыргызских племен осенью – зимой (7-11 луна) 1758 г., а южно-кыргызских – весной-летом 1759 г. совпадает с периодами наибольшей активности цинских войск против восточнотуркестанцев (Думан, 1936: 97-98; Кузнецов, 1983: 40-44; Супруненко, 1976: 22-25, 28-32). Вот почему, на наш взгляд, цинские генералы, после получения согласия на обнародование манифеста, с такой поспешностью отправляют в разных направлениях в сопровождении кыргызских биев 4 офицеров: Уэрдена, Толунтая, Идамчжаба и Линьбао (Кузнецов, 1983: 40-44) для выполнения своеобразных «посольских» миссий в кочевья кыргызов, что одновременно явилось и военной разведкой. Из-за того, что прибывшие цинские «послы», ставили под сомнение подлинную принадлежность Прииссыккуля кыргызам, то их верховный бий Маматкулу, не подозревая об истинных намерениях цинского двора, как и подобало в таком случае для решения территориального спора, согласился отправить своих послов в Пекин.

Цинские дипломаты к концу июля 1758 г. вернулись в Или с кыргызскими послами (см.: «Пин чжун», гл.58, л.32об, гл.59, л.11б). По сведениям русских источников, осенью 1758 г. в восточную часть Хангайской степи, куда прибыл император (Богдо-хан) на охоту, «приезжало бурутских послов всех числом человек до двадцати в них же главных пять человек..., по окончании той облавы и с теми

32 **К ВОПРОСУ О ПОЗИЦИИ КЫРГЫЗОВ В ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ
БОРЬБЕ НАРОДОВ ВОСТОЧНОГО ТУРКЕСТАНА
В СЕРЕДИНЕ XVIII В.**

послами уехал (Богдо-хан – Д.С.) в Пекин» (ЦГВИАР.Ф.20.Оп.1/47.Д.594.Ч.4. Л.100-100 об)⁵. Как видно, цинская дипломатическая миссия в кочевьях кыргызов, затянувшаяся на 2-3 месяца (май-июль), все же не облегчила присоединение Восточного Туркестана. Во-первых, они вынуждены были отказаться от плана прохождения части войск через территорию кыргызов, о чем свидетельствуют строки императорского указа Чжао Хою. В «Пин чжун» говорится: «Если ей не стоит идти через кочевья бурутов, то как пройти?» (Супруненко, 1976: 12). Это означало, что планируемый удар с севера не состоялся. Во-вторых, другая часть (10 тыс.) цинского войска вынуждена была выступить в поход с опозданием на 3-4 месяца, т.е. лишь 24 августа 1758 г. (Думан, 1936: 97). Следовательно, обе группы войск действовали раздельно, но в одном и том же направлении. Это подтверждают данные из рапорта селенгинского коменданта В.Якоби в правительствующий Сенат от 5 июля 1759 г., где приводятся сведения В.Шарина, побывавшего у кяхтинских китайцев в марте указанного года. Последний, основываясь на информации военного Чюгана Закритчя, утверждал: «Как де десять тысяч войска под командою маньчжурского жанжуна (генерала – Д.С.) Хабан Амбаня на ту Бухарию отправлено было и еще не получа известия, что оно войско бухарцами побито послано войско вприбавок еще десять тысяч... Но те де последние десять тысяч еще не допуста до того места, где прежние побиты, а немного допуста в землю бухарскую так же все до одного бухарцами побиты...» (ЦГАДА.Ф.248. Оп.113.Д.1551. Л.812.813 об-814.). Как видно из вышеприведенного, благодаря занятой на этот раз твердой позиции невмешательства северокыргызских племен в дела Восточного Туркестана цинская армия не сумела овладеть им с первого удара в 1758 г.

В ходе безуспешных операций маньчжуро-китайских войск против восставших восточнотуркестанцев, нейтральное положение кыргызских племен, перестало устраивать цинов. Они стали предпринимать усилия по привлечению кыргызов к активным действиям против восставших. Среди таких действий, кроме открытого давления, были обещания кыргызам в случае совместных военных действий – военной добычи, увеличения «наград» императора и т. д. («Пин чжун» гл. 57, с.17-18, гл.58 с.15) Когда и они не дали желаемых результатов, цинский двор попытался создать видимость того, что кыргызы будто бы уже вступили в союз с маньчжуро-китайскими войсками для подавления восстания восточнотуркестанцев, то есть выдавали желаемое за действительное. В этих целях они использовали случай ограбления каким-то неизвестным отрядом города Янги-Гиссара, подвластного Кашгару и находившегося еще в ведении восставших. По мнению цинского двора, действия «загадочного» отряда, якобы, породили у руководителей восставших мнение о союзе кыргызов с цинами, что позволило маньчжуро-китайским войскам поправить свое тяжелое положение, создавшееся под Яркендом («Пин чжун» гл. 66, с.206-21а, гл. 67, с.15).

Вот что говорится в приказе императора («Пин чжун» гл. 67, с.15), относящемся к 1759 году и адресованному цинскому военачальнику Чжао Хою, по этому поводу: «согласно сообщениям Бучьжантая (шивей – офицер маньчжурской армии

⁵ Примечательно, что в период активных действий цинских войск в Восточном Туркестане летом 1759 г. в Пекине находились послы из Среднего жуза казахов, «а именно родственники ево Аблаев Урус султан да старшина Дусай батыр рядовых киргисцов (казахов – Д.С.) трицать четыре, а всего трицать шесть человек, но только в самом Пекине было двадцать восемь...» (См.: ЦГВИАР. Ф.20. Оп.1/47. Д.594.Ч.4. Л.150). Они вернулись в сентябре 1759 г., после завоевания Цинской империей Восточного Туркестана, так что казахи оказались в том же положении, как и кыргызские бии.

– Д. С.), буруты не посылали солдат. Чьи же тогда солдаты ограбили подвластный Кашгару город Янги-Гиссар? Сообщаем Чжао Хою приказ, выяснить и при удобном случае доложить» (Супруненко,1976:35).

Не удовлетворяясь сообщением своего шивея (офицера – Д.С.), цинский двор («Пин чжун» гл. 67, с. 25) в письме к бурутскому бию (из племени сарыбагыш – Д.С.) Черикчи писал: «Цзянцзюнь доложил, что вы претендуете на щедрую награду. И так когда наша армия недавно атаковала и уничтожила мятежников уйгуров, услышав, что буруты ограбили кашгарский город Янги-Гиссар, Борониду (т. е. Бурхан ад-Дин – один из руководителей восстания – Д. С.), выступивший на помощь, повернул обратно. Теперь о ваших кочевьях. Речь не о посылке солдат, а о том, кто их поднял, когда наши войска атаковали город бандитов (т. е. восточнотуркестанцев – Д. С.). Эти буруты как раз совершили набег и разделили силы бандитов, что очень похвально. Я хочу увеличить милости и награды. Вы так же проверьте и доложите. Этот бурут ваш соплеменник, он удостоится моей милости. У вас тоже есть славные дела, напишите все как есть и передайте по пути при встрече представителей дачена. Если будет сообщение, издадим указ» (Супруненко,1976:37). В ответ на это письмо кыргызский бий Черикчи оповещал: «...что касается бурутов, ограбивших подвластный Кашгару город, то не осмелился бы поступить таким образом и не знаю из какого он кочевья. По возвращению расследую и доложу» («Пин чжун» гл. 69, с.86). Как видим из этого, кыргызские племена не имели никакого отношения к событиям по ограблению города Янги-Гиссара.

Между тем, в этом же источнике содержится следующее примечательное сообщение уйгура Этоланьчжу Ходжо Махмуда: «В прошлом году (1758), узнав, что великая армия подошла к Яркенду, его дядя Эрке Ходжо Эсен и младший брат Турду Ходжо повели воинов и ограбили четыре кашгарских деревни, сейчас по прежнему находится у бурута Налбату (Нарбото, кыргызский бий из племени кушчу – Д. С.) и ждут известия о наступлении, желают проявить усердие» («Пин чжун» гл.74, с.4а). Возможно, это как раз то событие, о котором говорили цинские власти и приписывали кыргызам.

Анализ литературы, написанной на основе китайских и других источников о событиях под Яркендом, показывает совершенно другой ход военных действий маньчжуро-цинских войск. Вот как описывается это событие А. И. Думаном в работе «Аграрная политика цинского правительства в Синьцзяне»: «В ноябре 1758 года цинская армия осаждала Яркенд, продолжавшаяся более трех месяцев и кончившееся поражением китайских войск. Китайские войска Чжао Хоя были окружены повстанцами и только, благодаря подоспевшей свежей военной силе китайцев во главе с Фу Дэ, удалось избежать полного поражения и вернуться в Ак-Су. Это было в марте 1759 года. К этому времени Бурхан ад-Дин прибыл на помощь Хан-Ходже в Яркенд» (Думан, 1936: 97). Как видим, здесь и речи нет о «загадочных» отрядах совершивших набег на город Янги-Гиссар.

Если сведения китайского источника «Си-юй вэнь цзянь-лу» (Описание виденного и слышанного о Западном крае), в 1777 году переведенного Н. Я. Бичуриным, а впоследствии и другими исследователями (Бичурин,1929:142-143,148; Ромодин и Кондратьев,1958:133) и говорят о поддержке кыргызским отрядом бия племени кыпчак Акима цинских войск, то в китайском источнике «Пин чжун...» таких сведений нет. Хотя, упоминается о том, что Аким (Ациму) выступал в роли проводника китайских войск («Пин чжун» гл.78,с.21). По сведениям этого же источника, руководитель восстания Бурхан ад-Дин отобрал у хакима города Янги-Гиссара Нияза его жену Тохэци и женился на ней, но впоследствии развелся. А

34 **К ВОПРОСУ О ПОЗИЦИИ КЫРГЫЗОВ В ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ
БОРЬБЕ НАРОДОВ ВОСТОЧНОГО ТУРКЕСТАНА
В СЕРЕДИНЕ XVIII В.**

Тохэци была троюродной сестрой бия Акима. В связи с этим можно предположить, что Аким оказал услугу маньчжуро-китайским войскам в порядке личной мести. И этот единичный факт, если он и был на самом деле, носил, как видим, не политический характер, а являлся результатом сведения личных счетов отдельных людей, и никоим образом не может служить достаточным основанием для заключения, что некоторые кыргызские племена поддерживали маньчжуро-китайские войска в подавлении патриотической борьбы восточнотуркестанцев в 1758-1759 гг.

Примечательно, что младшая сестра Акима Чжаргуль (Цзиэргэлэ) была женой Сузуктая, одного из ближайших сподвижников братьев Ходжей и до последней минуты жизни Бурхан ад-Дина и Хан Ходжи, она находилась рядом с ними, самоотверженно боролась за их жизнь. При этом получила тяжелое ножевое ранение, но чудом осталась жива (**Ходжаев, 1990: 143**).

Позиции кыргызов в их взаимоотношениях с цинскими властями и с восставшими восточнотуркестанцами наиболее определенно отражены в приказе Чжао Хаю относительно письма к бурутам (1759 г., 1 луна), в котором указывается: «Как доложил посланный к бурутам шивей (офицер – Д.С.) Буч-Жантай, возвратился он в 18 день 2 луны (1758 г.), достиг Ат-Баши (кочевья кыргызов – Д.С.) и узнал, что мятежник Ходзи Чжан присылал человека просить солдат. Договоривался с Цэлимботэ (Джанболот) с сыном Черикчи, о поимке бандитов и посылке воинов нам на помощь, ответ был таков: их кочевьями (т. е. кыргызов – Д.С.) владеет Минилеха (кыргызский бий – Д.С.) и послали сообщить ему, кроме того сказали, что посланцы Ходзи уже скрылись. В кочевьях людей мало, трудно (кого-нибудь) послать. Готовы отправиться к Маматкулу (хану – главному правителю кыргызов – Д.С.), но из-за глубокого снега в горах трудно проехать» (**«Пин чжун» гл. 67, с. 15**). Отсюда видно, что это по-существу был отказ в военной помощи цинским войскам в их борьбе с восточнотуркестанцами и свидетельство того, что кыргызы с сочувствием относились к восставшим: они не схватили их посланников и не выдали цинам, хотя маньчжуры этого не единожды требовали с угрозой (**«Пин чжун» гл. 67, с. 24а**). Из этого приказа становится еще более очевидным, что между кыргызами и восставшими восточнотуркестанцами действительно были определенные соглашения о совместных действиях против завоевательских устремлений цинского правительства, о которых говорилось выше.

Между тем, в сочинении «Пин чжун» несмотря на угрозы цинов, содержится множество фактов укрывательства, беженцев, как калмыков (ойратов), так и восточнотуркестанцев (уйгуров и кыргызов), преследуемых цинскими войсками, а также факты ограбления почтовых станций и угон лошадей, в ходе которых уничтожались и их солдаты.

В начале 1759 г. в стане восточнотуркестанцев появилась неуверенность в своих силах противостоять вторжениям цинов. И первыми переметнулись на сторону иноземцев хакимбеки Ходис, Авдей, а затем и правители городов Куча, Ак-Су, Уч-Турфан и др. (**Думан, 1936:97**). Сказалось также и недоверие ходжей к местному кыргызскому населению. В **«Пин чжун» (гл.76.л.3а)** содержатся сведения о нападении Хан-Ходжи на кочевья кыргызов и ответное их противодействие (**Супруненко, 1976:12; Иманалиев,1984: 125**). Все это в значительной степени ослабило сопротивление восточнотуркестанцев цинскому завоеванию. В конечном счете, под напором превосходящих сил цинской армии сторонники Бурхан ад-Дина и Хан-Ходжи бежали в Бадахшан осенью 1759 г., где и нашли свою смерть. Так Восточный Туркестан был присоединен к Цинской империи.

Тысячи восточнотуркестанских беженцев (как кыргызов, так и уйгуров) стали искать спасение в Средней Азии и, в частности, у местных кыргызов. Около тысячи семей кыргызских беженцев в 1760 г. разместились среди соплеменников в местности Ат-Баши (Сушанло, 1981: 55).

Таким образом, анализ материалов об освободительной борьбе народов Восточного Туркестана 1754-1759 гг. позволяет нам сделать следующие выводы: во-первых, кыргызские племена оказали всемерную поддержку освободительным устремлениям уйгуров против гнета ойратов. Во-вторых, на начальном этапе завоевательных акций цинов кыргызы как представители местного населения, с оружием в руках вместе с уйгурами встали на защиту своего Отечества. А затем, из-за разногласий с руководством Кашгарии, они стали придерживаться нейтральной позиции и в определенной мере были готовы помочь восставшим антицинским силам. Независимые кыргызы во главе с Маматкулум, отправив своих послов в Пекин, так же оказались в сдержанной позиции. В-третьих, различные попытки цинского двора привлечь кыргызов к подавлению патриотических устремлений восточнотуркестанцев оказались безрезультатными. В-четвертых, кыргызы в середине XVIII века являлись активной политической силой в Центральной Азии и проводили свою совершенно независимую от Цинской империи политику.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

- Архив внешней политики России (далее сокр. АВПР). Ф. Зюнгарские дела, 1756., Оп.113/1. Д.1.
- БЕРНШТАМ А.Н., (1947), **Проблемы Восточного Туркестана** // Вестник древней истории. М., № 2.
- БИЧУРИН Н.Я., (1829), **Описание Джунгарии и Восточного Туркестана в древнем и нынешнем состоянии** / Переведено с китайского монахом Иакинфом. Ч.2.СПб.
- БИЧУРИН Н.Я., (1960), **Собрание сведений по исторической географии Восточной и Средней Азии**. Чебоксары
- ВАЛИХАНОВ Ч.Ч., (1962), **Записки об организации поездки в Кашгар** // Собрание сочинений. Т.2. Алма-Ата
- ВАЛИХАНОВ Ч.Ч., (1985), **О состоянии Алтышара или шести восточных городов китайской провинции Нан Лу (Малой Бухарии) в 1858–1859 гг.** // Собр.соч. в 5-ти томах. Т.3. Алма-Ата
- Государственный архив Омской обл. России (далее сокр. ГАООР.). Ф.366. Оп.1. Д.44. Л.1 об.
- ГУРЕВИЧ Б.П., (1979), **Международные отношения в Центральной Азии в XVII–первой половине XIX в.** М.
- ГУРЕВИЧ Б.П., (1979) **Некоторые вопросы истории Казахстана и Средней Азии и их извращение в печати КНР** // История СССР. 1979. № 2.
- «Да Цин личао шилу» (Праведные записки о правлении всех государей династии Цин. Токио, 1937.
- ДУМАН Л.И., (1935), **Некоторые китайские источники по изучению Синьцзяна конца XVIII и начала XIX веков** // Библиография Востока. Вып. 8-9. Л.

36 **К ВОПРОСУ О ПОЗИЦИИ КЫРГЫЗОВ В ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ
БОРЬБЕ НАРОДОВ ВОСТОЧНОГО ТУРКЕСТАНА
В СЕРЕДИНЕ XVIII В.**

- ДУМАН Л.И., (1936), **Аграрная политика Цинского (маньчжурского) правительства в Синьцзяне в конце XVIII в.** М., Л.
- ДУМАН Л.И., (1966), **Завоевание Цинской империей Джунгарии и Восточного Туркестана // Маньчжурское владычество в Китае.** М.
- ЗЛАТКИН И. Я., (1964), **История Джунгарского ханства (1635-1758).** М.
- ИМАНАЛИЕВ М.С., (1984), **Притяньшанские киргизы во второй половине XVIII и первой четверти XIX вв.** (по китайским источникам). Рукоп. канд. дис. Л.
- КОНДРАТЬЕВ А.А., (1958), **Исторические сведения о киргизах в китайских источниках // Материалы первой Всесоюзной научной конференции востоковедов.** Ташкент
- КУЗНЕЦОВ В.С., (1983), **Цинская империя на рубежах Центральной Азии (вторая половина XVIII в.–первая половина XIX в.).** Новосибирск
- Материалы по истории Казахских ханств в XV- XVIII вв.** Алма-Ата, 1969.
- МЕЛИХОВ Г.В., (1969), **«Да Цин личао шилу» как исторический источник // Страны Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии (Проблемы истории и экономики).** М.
- ПЛОСКИХ В.М., (1977), **Киргизы и Кокандское ханство.** Фрунзе
- ПОТАНИН Г.Н., (1868), **О караванной торговле с джунгарской Бухарией в XVIII столетии. // Чтения в импер. обществе истории и древностей российских при Московском университете.** Кн. 2.–М.
- РОМОДИН В.А. и КОНДРАТЬЕВ А.А., (1958), **Опыт сопоставления сведений из китайских, кокандских и русских источников по истории киргизов // Советское востоковедение.** № 4.
- САЛАХЕТДИНОВА М.А., (1959), **Сочинение Мухаммада Садыка Кашгари «Тазкира-и-ходжаган» - как источник по истории киргизов // Изв. АН Кирг. ССР. Серия обществ. наук. Т.1. Вып. 1.** Фрунзе
- САЛАХЕТДИНОВА М.А., (1961), **Сообщения о киргизах в «Хидаят-наме Мирхаль ад-Дина // Изв. АН Кирг. ССР. Серия обществ. наук. Т.3. Вып. 2.** Фрунзе
- СУШАНЛО М.Я., ГУРЕВИЧ Б.П., ПЛОСКИХ В.М., СУПРУНЕНКО Г.П., (1981), **Против маоистских фальсификаций истории Киргизии,** Фрунзе
- ХОДЖАЕВ А., (1990), **О гибели последнего правителя Яркендского ханства Бурхан ад-Дин ходжи и ходжи Джахана // Маловские чтения/Мат. конф. Алма- Ата.С.136-146.**
- ХАФИЗОВА К.Ш., (1995), **Китайская дипломатия в Центральной Азии (XIV – XIX вв.).** Алматы.
- ХАФИЗОВА К.Ш., (1972), **«Пиндин чжунгээр фаньлюе» как источник по истории взаимоотношений Цинской империи с казахскими ханствами // Конференция молодых научных сотрудников и аспирантов Института Востоковедения АН СССР.** М.
- Центральный государственный архив древних актов России (далее сокр. ЦГАДАР). Ф. 248. Оп.113. Д.1551. Л.812.813 об-814.**
- ЦГАДАР. Ф.248. Оп.113. Д.1551. Л.769.**

Центральный государственный военно - исторический архив России (далее сокр. ЦГВИАР.). Ф.20. Оп.1/47. Д.594.Ч.4. Л.100-100 об.
İklil KURBAN., (1995), **Dođu Turkestan için savař**. Ankara
Mehmet Emin BUĐRA., (1998), **řarkı Türkistan Tarihi**. Hazırlayan: Dr. Yakup Buđra.
Ankara